

В. В. Бачила

*профессор кафедры уголовного процесса
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОВЕДЕНИЕ ТАЙНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГРУЗИИ

Актуальность работы определяется тем обстоятельством, что в теории и практике уголовного процесса постсоветских стран остается дискуссионной проблема использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. С момента обретения независимости эти страны стали активно совершенствовать свое уголовно-процессуальное законодательство в части, касающейся использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном производстве, в результате чего наметились следующие тенденции.

Отдельные страны остались приверженцами советской модели теории доказательств, лишь незначительно подкорректировав ее в части возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Так, например, в ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указывается, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Под результатами оперативно-розыскной деятельности, в свою очередь, в соответствии с п. 36.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, понимаются «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» [1]. Следовательно, результаты оперативно-розыскной деятельности могут при определенных условиях стать содержанием уголовно-процессуальных доказательств.

В свою очередь, в Республике Беларусь предприняты шаги, направленные на признание в качестве источников доказательств материалов оперативно-розыскной деятельности. В ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь говорится о том, что источниками доказательств являются материалы оперативно-розыскной деятельности. При этом в ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь говорится о том, что «материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны в качестве источников доказательств при условии, если они получены

и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном настоящим Кодексом» [2]. Вместе с тем законодательно не урегулирован вопрос, какие именно материалы оперативно-розыскной деятельности являются источниками доказательств. Тем самым законодатель обозначил достаточно противоречивую позицию.

Несколько иную позицию в этом вопросе заняли законодатели Грузии, Республики Казахстан, Украины. Следует отметить, что эти страны подошли к решению этой проблемы путем использования опыта законодательного регулирования аналогичных вопросов в США, ФРГ, Франции. В уголовно-процессуальном законодательстве были закреплены тайные следственные действия (гл. XVI¹ Уголовно-процессуального кодекса Грузии (далее — УПК Грузии)) или негласные следственные действия (гл. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан), негласные следственные (розыскные) действия (гл. 21 Уголовно-процессуального кодекса Украины), тем самым названные страны значительно отошли от советской теории доказательств, но не отказались от нее полностью.

Кратко проанализируем и охарактеризуем использование института тайных следственных действий в уголовно-процессуальном производстве Грузии [3; 4] и дадим оценку целесообразности его введения в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь.

Прежде всего следует отметить, что уголовно-процессуальный закон Грузии* содержит ряд новаций. Так, например:

– Узаконен принцип дискреции. Означает принятие должностным лицом или государственным органом решения по собственному усмотрению. В соответствии со ст. 16 УПК Грузии, только прокурор принимает решение о начале и прекращении уголовного преследования, пользуясь дискреционным полномочием, при этом он должен руководствоваться публичными интересами.

– Расширено право обвиняемого на сбор доказательств. Статья 39 УПК Грузии гласит: «Обвиняемый вправе за собственный счет, самостоятельно или (и) с помощью адвоката осуществлять сбор доказательств. Доказательства, собранные обвиняемым, имеют равную юридическую силу с доказательствами, собранными стороной обвинения. Если для сбора доказательств необходимо производство следственных или иных процессуальных действий, которые не могут быть самостоятельно произведены обвиняемым или его адвокатом, он вправе обратиться с ходатайством о вынесении соответствующего определения к судье по месту производства следствия. Судья обязан принять все меры

* В статье использован неофициальный (машинный) перевод законодательных актов Грузии.

к тому, чтобы стороне обвинения не стало известно о сборе доказательств стороной защиты»).

– Введены тайные следственные действия. В соответствии со ст. 141¹ УПК Грузии, к ним относятся: скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и стационарной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция с указанной целью в компьютерную систему средств соответствующего программного обеспечения; определение геолокации в реальном времени; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты); скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка; электронное слежение при помощи технических средств, использование которых не причиняет вреда жизни, здоровью людей и окружающей среде. Допускается одновременное производство нескольких тайных следственных действий.

Уголовно-процессуальный закон Грузии установил определенный механизм проведения тайных следственных действий, включающий:

1. Принципы производства (определены в ст. 143² УПК Грузии «Принципы производства тайных следственных действий»).

В данной норме устанавливаются критерии (доказательства нельзя получить иными средствами, требуют неоправданно больших усилий, должны быть пропорциональны легитимной цели), на основе которых могут проводиться данные тайные следственные действия. Однако не ясно, действуют ли они в совокупности или по отдельности.

2. Порядок производства (закреплен в ст. 143³ УПК Грузии «Порядок производства тайных следственных действий»).

Исходя из ее содержания, производство тайных следственных действий осуществляется в следующем порядке: по определению судьи районного (городского) суда по месту следствия (за исключением отдельных случаев*) на основании мотивированного ходатайства прокурора; на рассмотрение материалов отводится срок в 24 часа; определение судьи оформляется в четырех экземплярах; в случае безотлагательной необходимости оно может начать осуществляться по мотивированному постановлению прокурора без определения судьи с уведомлением суда, и прокурор обязан в срок не позднее 24 часов с начала их производства обратиться в соответствующий районный (городской) суд;

* Тайное следственное действие в отношении государственно-политического должностного лица, судьи и лица, обладающего иммунитетом, может производиться по определению судьи Верховного Суда Грузии, на основании мотивированного ходатайства Генерального прокурора Грузии или его заместителя.

проводится на срок, указанный в определении судьи, и может продлеваться с учетом установленной процедуры (по ходатайству вышестоящего прокурора, ходатайству Генерального прокурора Грузии или его заместителя); определен порядок обжалования.

Таким образом, по своему содержанию порядок производства тайных следственных действий очень близок к проведению оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

3. Порядок прекращения и приостановления (определен в ст. 143⁶ УПК Грузии «Прекращение и приостановление тайного следственного действия»).

Ключевые положения рассматриваемой нормы заключаются в следующем: решение о прекращении тайного следственного действия принимает прокурор на основании обращения следователя или по собственной инициативе; определяются основания прекращения; приостановление тайного следственного действия может осуществлять начальник службы защиты персональных данных; государственный орган с соответствующими полномочиями сразу после завершения производства тайного следственного действия составляет протокол.

Во многом порядок прекращения и приостановления тайного следственного действия носит достаточно сложный характер и схож с порядком осуществления оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

4. Учет, хранение, уничтожение, уведомление о производстве и реестр тайных следственных действий (регламентирован ст. 143⁵, 143⁸, 143⁹, 143¹⁰ УПК Грузии).

Анализ данных статей позволяет выделить следующие ключевые элементы: ответственность за надлежащую сохранность полученной информации возлагается на орган, осуществляющий тайные следственные действия, и соответствующий следственный орган; определен порядок уничтожения информации, если она не представляет ценности для следствия; материалы, приобретенные в качестве вещественных доказательств, находятся в суде в течение срока хранения указанного уголовного дела; до завершения тайного следственного действия право на ознакомление с полученной информацией имеют только следователь, прокурор и судья, в отдельных случаях сторона защиты в соответствии с ч. 6 ст. 83 УПК Грузии.

К положительной стороне рассматриваемых норм следует отнести детальный порядок регламентации хранения, уничтожения, уведомления о производстве тайных следственных действий и их реестр в Верховном Суде Грузии, что обеспечивает серьезную защиту прав и свобод граждан.

5. Ограничения, связанные с их проведением (определены в ст. 143⁷ УПК Грузии «Сокращение до минимума производства тайного следственного действия»).

Орган, проводящий тайные следственные действия, а также следственный орган обязаны в пределах своих полномочий максимально сократить мониторинг коммуникаций и лиц, не связанных со следствием.

Подводя итог, следует отметить, что уголовно-процессуальный закон Грузии делает легитимным механизм вторжения в личную жизнь граждан в процессе уголовно-процессуального производства по средствам проведения тайных следственных действий. Однако остается дискуссионным аспект, насколько такой подход оправдан с точки зрения теории доказательств и соблюдения прав граждан.

При этом следует отметить то обстоятельство, что доказательственное положение информации, полученной в ходе производства тайных следственных действий, не имеет никаких преимуществ перед полученной при проведении иных следственных действий. При этом, в отличие от УПК Республики Беларусь, уголовно-процессуальное законодательство Грузии не оперирует понятием «источники доказательств» (хотя и использует в отдельных формулировках).

В соответствии с п. 23 ст. 3 УПК Грузии, под доказательствами понимается «информация, представленная в суд в установленном законом порядке, содержащая эту информацию предметы, документы, вещества или иные объекты, на основе которых стороны в суде подтверждают или отрицают факты, дают им правовую оценку, выполняют обязанности, защищают свои права и законные интересы, а суд устанавливает наличие или отсутствие факта или деяния, ввиду которого осуществляется уголовный процесс, совершение или несвершение этого деяния определенным лицом, его виновность либо невиновность, а также обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности обвиняемого, характеризующие его личность. Документ — доказательство, если он содержит сведения, необходимые для установления фактических и правовых обстоятельств уголовного дела. Документом считается любой источник, в котором информация запечатлена в словесно-знаковой форме или (и) в виде фото-, кино-, видео-, звуко- или иной записи, либо с применением других технических средств».

В свою очередь, в соответствии со ст. 7 Закона Грузии «Об оперативно-розыскной деятельности», к оперативно-розыскным мероприятиям относятся: опрос лица; наведение справок; визуальный контроль; контрольная закупка; контролируемая поставка; исследование предметов и документов; идентификация (отождествление) лица; цензура корреспонденции задержанного и содержащегося под стражей и осужденного; получение идентификационных данных электронной коммуникации; внедрение в установленном порядке секретного сотрудника и оперативного сотрудника в преступную группу; создание

в установленном порядке конспиративной организации; мониторинг отношений по Интернету*.

Вместе с тем анализ содержательной части процессуальных норм показывает, что тайные следственные действия не что иное, как оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, обличенные в процессуальную форму. Именно такой порядок осуществления оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, во многом определяется Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральным законом Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности».

Так, например, скрытое прослушивание и запись телефонной коммуникации; снятие и фиксация информации с канала связи (путем подсоединения к средствам связи, компьютерным сетям, линейным коммуникациям и станционной аппаратуре), с компьютерной системы (как непосредственно, так и дистанционно) и инсталляция с указанной целью в компьютерную систему средств соответствующего программного обеспечения соответствуют в Республике Беларусь оперативно-розыскному мероприятию «контроль в сетях электросвязи»; контроль почтовых отправлений и телеграфных сообщений (кроме дипломатической почты) — оперативно-розыскному мероприятию «контроль почтовых сообщений»; скрытая видеозапись или (и) аудиозапись, фотосъемка — оперативно-розыскному мероприятию «слуховой контроль».

Такой подход вызывает ряд вопросов. В частности, каким образом осуществляется борьба с организованной преступностью, коррупционными преступлениями, терроризмом, преступлениями в сфере высоких технологий? Преступления такого рода, как правило, глубоко законспирированы, и для их выявления необходим специальный оперативно-розыскной инструментарий (скрытое прослушивание и запись телефонных переговоров; снятие и фиксация информации с технических каналов связи; скрытая видеозапись или аудиозапись) в виде оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан. В Законе Грузии «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержится возможность проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, а тайные следственные действия возможно осуществлять только после регистрации преступления. На наш взгляд, такой подход в определенной мере снижает эффективность оперативно-розыскной деятельности. Более того, возможно, создает предпосылки для обоснованного возбуждения процедуры следствия. Косвенное подтверждение тому — решение Конституционного Суда Грузии от 25 декабря 2020 г. № 2/2/1276 о признании неконституционным и утратившим силу применительно к п. 7 ст. 31 Конституции Грузии нормативное

* Использован машинный перевод названий оперативно-розыскных мероприятий.

содержание 2-го предложения в ч. 2 ст. 13 УПК Грузии, предусматривающее при вынесении обвинительного приговора использование в качестве доказательства показаний сотрудника правоохранительного органа, основанных на информации, полученной из оперативного источника («конфидента», «информатора») или предоставленной анонимным лицом. Хотя ст. 17 УПК Грузии «Предъявление обвинения на основании обоснованного предположения» допускает возможность предъявления обвинения лицу при наличии обоснованного предположения, что оно совершило преступление. Данное обвинение лица является исключительной прерогативой прокурора.

Таким образом, с учетом вышеизложенного представляется нецелесообразным введение института тайных следственных действий в уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь, так как это может привести к появлению ряда правовых и прикладных проблем в уголовно-процессуальном производстве и оперативно-розыскной деятельности.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. от 29.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2024 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс] : 9 окт. 2009 г., № 1772 // Законодат. Вестн. Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034> (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Грузии, 30 мая 1999 г., № 1933 // Законодат. Вестн. Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/18472> (дата обращения: 06.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)